

ИЗДАТЕЛИ
ВСЕГО МИРА
РЕКОМЕНДУЮТ

*РЕЙЧЕЛ
ДЖОЙС*

ПЕСНЬ ЛЮБВИ
МИСС
КУИНИ ХЕННЕССИ

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Rachel Joyce

THE LOVE SONG OF MISS QUEENIE HENNESSY

Copyright © Rachel Joyce, 2014.

This edition published by arrangement
with Conville & Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency

Фото автора © David Fisher/Rex Shutterstock/Fotodom.ru

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Оформление *А. Старикова*

Джойс, Рейчел.

Д42 Песнь любви мисс Куини Хеннесси / Рейчел Джойс ;
[пер. с англ. И. А. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 384 с. — (Издатели всего мира рекомендуют. Проза
Джесси Бёртон и Рейчел Джойс).

ISBN 978-5-699-86269-6

Роман «Невероятное паломничество Гарольда Фрая» тронул сердца читателей во всем мире. Мы наблюдали за путешествием Гарольда, который шел через всю Британию пешком, преодолевая усталость и боль от стертых ног, потому что загадал — пока он идет, Куини Хеннесси будет жить. Но о самой Куини мы так почти ничего и не узнали. А ведь женщина, ради которой совершаются такие поступки, должна быть особенной, одной на миллион.

Кто она? Что их связывало с Гарольдом? Почему после нескольких десятков лет разлуки он помнил о ней и готов был ради нее на безрассудства?

В новой книге Рейчел Джойс расскажет нам о Куини, о ее любви, ее тайне.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, пазл будет складываться и наконец превратится в историю, которая может по праву встать в ряд с самыми красивыми, самыми яркими историями любви. Ради такой любви стоит жить. Стоит идти пешком через всю страну.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-86269-6

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Посвящается
моим сестрам, Эми и Эмили,
а также — одному садику
в Рокекоре.*

Все путешествия имеют тайную
цель, о которой сам путешественник
даже не подозревает.

*Мартин Бубер,
«Легенда о Баал-Шеме»¹.*

¹ Мартин Бубер (1878–1965) — еврейский философ, теоретик сионизма. «Легенда о Баал-Шеме», написанная в 1908 г., на русский язык не переводилась. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Письмо первое

**Хоспис Св. Бернадины,
Берик-на-Твиде**

Понедельник, 11 апреля

Дорогой Гарольд!

Мое письмо, возможно, несколько удивит вас, ведь в последний раз мы виделись довольно давно, но с некоторых пор я постоянно думаю о прошлом. Год назад у меня удалили злокачественную опухоль, но она, к сожалению, успела дать метастазы, и теперь ничего уже поделать нельзя. Я сохраняю спокойствие и в общем чувствую себя неплохо, но мне все же хотелось бы напоследок поблагодарить вас за дружбу, которая когда-то, в давние времена, меж нами существовала. Передайте, пожалуйста, привет от меня вашей жене. Я по-прежнему с большой симпатией вспоминаю Дэвида.

С наилучшими пожеланиями, К.Х.

Письмо второе

**Хоспис Св. Бернадины,
Берик-на-Твиде**

13 апреля

Итак, вот оно

Когда-то давно, Гарольд, ты сказал мне: «Как же много вещей мы не замечаем!» — «Что, например?» — спросила я, и сердце мое встрепенулось. «Ну, например, то, что находится у нас прямо перед носом», — ответил ты.

Мы сидели в твоей машине — ты, как всегда, за рулем, а я рядом, на пассажирском сиденье. Помнится, уже темнело, а значит, мы, скорее всего, возвращались на пивоварню. Вдали, в пригородах Дартмура, светились огоньки уличных фонарей, точно яркие брызги на синем бархате небес, а вот луна была бледная, похожая на еле заметное меловое пятно.

Слова уже готовы были сорваться у меня с языка — так сильно мне хотелось рассказать тебе правду. Я больше не в силах была молчать и с трудом удержалась, чтобы не крикнуть: «Останови машину, выслушай меня, Гарольд Фрай!»

И тут ты, указав куда-то рукой в автомобильной перчатке, засмеялся и проговорил: «Видите, Куини? Сколько раз мы здесь проезжали, а я до сих пор ни разу не обратил на это внимания!» Я посмотрела, куда ты указывал, и поняла, что ты восхищаешься видом на городские крыши. А ведь я в ту минуту была на грани полного и откровенного признания!

Растегнув сумочку, я вытащила носовой платок, и ты спросил: «У вас насморк?» — «Хотите мятную пастилку?» — предложила я, не отвечая.

И снова опасное мгновение миновало. И снова я ничего не сказала тебе. И мы поехали дальше.

* * *

Это мое второе письмо к тебе, Гарольд, и на сей раз оно будет совсем иным. Никакой лжи. Никаких недомолвок. Я признаюсь тебе во всем. Ведь ты в тот день был совершенно прав: слишком многого ты не замечал, а о многом и до сих пор ничего не знаешь. Двадцать лет я бережно хранила в душе все свои тайны, но теперь должна выпустить их на волю, пока не стало слишком поздно. И я непременно все тебе расскажу, а остальное пусть будет молчание.

Из моего окна видны крепостные стены Берика-на-Твиде, а на самом горизонте — синяя нить Северного моря. Дерево под окном покрыто бледными, готовыми распусться бутонами, и в сумерках они светятся.

Ну что ж, пора нам с тобой пуститься в путь.

Обещаю, долго мы не задержимся.

***Вам всего лишь нужно
подождать!***

Твое письмо пришло сегодня утром. Мы все были в гостиной. Предполагалось, что с утра каждый из нас чем-нибудь занимается, но на самом деле все спали.

Сестра Люси, самая молодая из монахинь, добровольно помогающих в хосписе, спросила, не хочет ли кто-нибудь помочь ей собрать новый пазл. Никто не откликнулся. Тогда она предложила:

— Может, кто-то хочет сыграть в скрабл?

Никто даже не пошевелился.

— А как насчет «Мышеловки»? — не унималась сестра Люси. — Это такая чудесная игра!

Я сидела в кресле у окна. Снаружи вздрагивали на ветру ветви вечнозеленых деревьев. В небе парила одинокая чайка.

— А может, в «Виселицу»? — все пыталась расшевелить пациентов сестра Люси. — Кто хочет сыграть в «Виселицу»?

Кто-то кивнул, и Люси отправилась за бумагой. Но, когда она вернулась и принесла бумагу, карандаши, стакан воды и т.д., выразивший желание поиграть уже снова задремал.

В хосписе жизнь у меня идет совсем по-другому. Здесь все другое — цвета, запахи, распорядок дня. Но, стоит мне закрыть глаза, я представляю себе, что руки мои чувствуют не тепло, исходящее от батареи отопления, а ласковые солнечные лучи; что в воздухе пахнет не ланчем, а соленой морской водой; что я слышу не кашель больных людей, а шум ветра в моем саду у самого моря. Знаешь, Гарольд, я ведь могу вообразить себе все, что угодно, стоит только чуточку постараться.

Вдруг в комнату широким шагом вошла сестра Кэтрин и провозгласила: «Почта! Посмотрите-ка, что я вам принесла!» И правда, в руках у нее была целая кипа конвертов.

Все радостно загудели и стали садиться.

В первую очередь сестра Кэтрин подала несколько коричневых конвертов шотландцу, которого все называют исключительно мистер Хендерсон. Была также почтовая открытка для новенькой молодой женщины. (Она только вчера к нам поступила, и я еще не успела узнать ее имя и фамилию.) Есть у нас один очень крупный мужчина по имени Пиерли Кинг, так вот, он получил очередную посылку. За ту неделю, что провела здесь, я ни разу не видела, чтобы он хоть одну из этих посылок вскрыл. Слепая Барбара получила записку от своей любимой соседки — сестра Кэтрин даже прочла ее вслух. «Весна